

М. В. Филёв

**КОНЕЦ КОЛХОЗНОЙ ЖИЗНИ
(НА ПРИМЕРЕ КОЛХОЗА «НОВАЯ ЖИЗНЬ»
ПРАВДИНСКОГО РАЙОНА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 11.05.2023 г.

Принята к публикации 25.08.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-6

58

Для цитирования: *Филёв М. В. Конец колхозной жизни (на примере колхоза «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 58 – 68. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-6.*

На основе неопубликованных материалов Государственного архива Калининградской области и архивного отдела администрации муниципального образования «Правдинский городской округ», в частности протоколов общих собраний и заседаний правления колхоза, материалов первичной парторганизации и др., в рамках микроисторического похода изучаются последние годы существования колхоза «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области. Цель исследования – реконструкция взглядов колхозников на происходившие в стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг. процессы. Представлен анализ основных трудностей, с которыми столкнулось хозяйство в период Перестройки. Многочисленные преобразования М. С. Горбачёва в аграрной сфере не привели к ожидаемым качественным изменениям, а такие явления, как рост цен и товарный дефицит, вызвали разочарование в идеях Перестройки. Рассмотрен процесс реорганизации колхоза в закрытое акционерное общество. Сделан общий вывод о том, что, несмотря на имевшуюся возможность организовать индивидуальные фермерские хозяйства, большинство крестьян сделали выбор в пользу сохранения устоявшегося коллективного жизненного уклада, поскольку видели в нем гарант поддержки в условиях критического экономического положения в российской деревне начала 1990-х гг.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Калининградская область, колхоз, микроистория, история повседневности, Перестройка, аграрные реформы

Несмотря на то что экономические преобразования в период Перестройки не обойдены вниманием исследователей, изменения в сельском хозяйстве изучены недостаточно. Реформы в аграрном секторе оцениваются как запоздавшие, непродуманные, несистемные, что привело к усилению кризисного положения уже после распада СССР [14 – 16; 27]. Авторы подготовленных на региональном материале публикаций преимущественно останавливают свое внимание на правовой стороне реорганизации колхозов и совхозов и экономических показателях хозяйств нового типа [1; 5; 26], анализируют социально-экономическое положение тружеников сельхозпредприятий в период аграрной ре-

формы 1990-х гг. [11; 12]. В общих чертах эти вопросы рассмотрены в коллективной монографии «История сельского хозяйства Калининградской области» [8, с. 35–38, 155–156]. При этом отношение самих крестьян к происходившим событиям практически не затрагивается.

В настоящей статье, являющейся частью комплексного микроисторического исследования колхоза «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области (1946–1991 гг.), предпринята попытка представить взгляд крестьян на происходившие на селе и в стране в целом изменения на рубеже 1980–1990-х гг.

Основными источниками исследования стали неопубликованные материалы Государственного архива Калининградской области и архивного отдела администрации муниципального образования «Правдинский городской округ»: протоколы общих собраний и заседаний правления колхоза, собраний парторганизации «Новой жизни», годовые отчеты колхоза, отчетные доклады его председателя [2; 6]. Еще одним источником послужило записанное нами интервью с Владимиром Александровичем Бакалиным, последним председателем колхоза, руководителем закрытого акционерного общества «Новая жизнь» (1987–1996), ныне главой муниципального образования «Правдинский городской округ» [7].

Колхоз «Новая жизнь» был создан в 1946 г. в поселке Поречье Правдинского района (первоначально назывался «Большевик»). К началу Перестройки он являлся типичным для региона сельхозпредприятием, в котором насчитывался 191 двор (8 населенных пунктов), а общая земельная площадь составляла 4212 га [6, ф. Р-139, оп. 11, д. 1126, л. 341], что в целом соответствовало среднеобластным показателям в 1985 г. (4041,5 га); среднее количество дворов – 202 [6, ф. Р-139, оп. 11, д. 1268, л. 2]. Для сравнения: в СССР в 1985 г. в среднем на 1 колхоз приходилось 6400 га земельных угодий [23, с. 7]. В 1969 г. первый секретарь обкома КПСС Н. С. Коновалов говорил о «Новой жизни» как о крепком середняке [6, ф. Р-139, оп. 12, д. 375, л. 25–26]. Этот статус сохранился за колхозом и в годы Перестройки [2, ф. 28, оп. 1, д. 222, л. 74 об.].

«Новая жизнь» в период Перестройки

Однако следует отметить, что к середине 1980-х гг. колхоз «Новая жизнь» испытывал целый ряд серьезных трудностей. В запущенном состоянии оказалась производственно-техническая база колхоза, что являлось общей для всей страны проблемой [16, с. 378–380]. Бригадиры и механизаторы регулярно жаловались на отсутствие элементарной инфраструктуры (нехватку умывальников для мытья рук [6, ф. П-145, оп. 1, д. 35, л. 82–83] или отсутствие дверей в помещениях) [2, ф. 28, оп. 1, д. 222, л. 3]), парк тракторов и комбайнов практически не обновлялся [2, ф. 28, оп. 1, д. 222, л. 2 об.; 6, ф. П-145, оп. 1, д. 33, л. 119]. Обслуживающие организации не всегда справлялись со своими обязанностями. Например, районное объединение «Сельхозтехника» некаче-

ственно ремонтировало колхозную технику, поэтому ее приходилось приводить в надлежащее состояние своими силами [6, ф. П-145, оп. 1, д. 36, л. 67]. Достать запчасти было проблематично, иногда за ними приходилось ездить в Белоруссию [2, ф. 28, оп. 1, д. 222, л. 31].

Районное начальство занимало твердую позицию, которая заключалась в том, что в своих проблемах колхоз виноват исключительно сам. Так, в марте 1987 г. на партсобрании колхозники предъявили претензии районному агропромышленному объединению (РАПО) в связи с плохим снабжением техникой и некачественно проведенными мелиоративными работами, в результате которых были заболочены 80 га пашни. Председатель РАПО Матков эти жалобы не принял, а рекомендовал колхозникам «самим лучше работать» и развивать «интенсивные технологии» [6, ф. П-145, оп. 1, д. 35, л. 58].

Другая трудность была связана с сокращением количества трудоспособных колхозников. Максимальный показатель в 315 трудоспособных членов колхоза был достигнут в 1965 г. [6, ф. Р-139, оп. 9, д. 1415, л. 1 об.], после чего их количество постепенно сокращалось. В 1984 г. в «Новой жизни» остался 241 трудоспособный колхозник [6, ф. Р-139, оп. 11, д. 1126, л. 322], в 1987 г. — 230 [6, ф. Р-139, оп. 12, д. 245, т. 2, л. 170–171 об.], а в 1990 г. — 225 [6, ф. Р-139, оп. 12, д. 739, л. 113].

Отчетливо проявлялась тенденция к «старению» села. Например, в 1984 г. на 241 трудоспособного приходилось 98 мужчин и женщин старше 60 лет (соотношение 2,5:1) [6, ф. Р-139, оп. 11, д. 1126, л. 322]. Ввиду невысокой зарплаты, низкой престижности сельхозтруда и слаборазвитой инфраструктуры молодежь не желала оставаться в колхозе, что создавало кадровый дефицит. Предпринимались попытки удержать ее за счет выплат колхозных стипендий во время обучения в средне-специальных или высших учебных заведениях и выдачи подъемных в размере 3 месячных окладов по возвращении в колхоз [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 33], но эта перспектива прельщала единицы молодых людей. В таких условиях бригадиры были вынуждены заниматься распылением ограниченных трудовых ресурсов, что среди самих руководителей среднего звена называлось «латанием дыр» [6, ф. П-145, оп. 1, д. 36, л. 154].

Перестройка стала временем многочисленных преобразований. Аграрный сектор экономики был исключением: организация колхозного труда на протяжении короткой горбачевской эпохи претерпела существенные изменения. Появились арендные подряды, коллективы интенсивного труда (КИТы), был осуществлен переход на полный хозрасчет. Большинство этих новшеств являлось лишь массовой реализацией экспериментальных методов, внедрявшихся в отдельных хозяйствах и предприятиях в СССР еще со времен хрущевской оттепели (см.: [3; 4; 10]).

Вместе с тем, как отмечает Р.Г. Пихоя, «руководители страны постарались “играть на двух досках”», что выразилось в довольно радикальном реформировании экономической системы при сохранении командного стиля управления [24, с. 376].

Характерным примером этой «игры» можно считать внедрение коллективов интенсивного труда — небольших трудовых структур из 3–5 работников, основанных на принципах самостоятельности, арендных отношений и освоения интенсивных технологий [16, с. 395].

В реальности КИТы функционировали под постоянным надзором со стороны всевозможного рода инстанций, что, впрочем, воспринималось как нормальная практика. Так, например, глава Пореченского сельсовета Братчун летом 1988 г. заявила, что контроль «сверху» является необходимостью из-за слабых производственных показателей «Новой жизни» [6, ф. П-145, оп. 1, д. 37, л. 86–88].

Несмотря на призывы самих колхозников «дать свободу крестьянину» [6, ф. П-145, оп. 1, д. 38, л. 51], ситуация не претерпела значительных изменений и в дальнейшем. Партийные и государственные организации различного уровня продолжали вмешиваться в работу малых трудовых коллективов, что в совокупности с целой когортой своих колхозных руководителей (председатель, правление, партийные функционеры, бригадиры, заведующие фермами, специалисты) и при сохранявшейся необходимости достижения плановых показателей позволяет говорить о том, что принцип их самостоятельности остался нереализованным.

На январском (1987) пленуме ЦК КПСС был представлен законопроект «О государственном предприятии (объединении)», который М. С. Горбачёв охарактеризовал как призванный «коренным образом изменить условия и методы хозяйствования в основном звене экономики, закрепить в деятельности предприятий сочетание планового начала и полного хозрасчета» [20].

Сам закон был издан 30 июня 1987 г. Им предусматривался переход на принципы полного хозрасчета и самофинансирования, отказ от централизованной системы снабжения ресурсами, а пятилетний план теперь разрабатывался и утверждался самим предприятием [18].

С 1 января 1988 г. все предприятия Советского Союза перешли на полный хозрасчет. В «Новой жизни» ожидавшегося после этого экономического подъема не произошло, напротив, кризисное положение продолжало усугубляться. К «кадровому голоду» и сложностям со снабжением машинно-тракторного парка добавился еще и продуктовый дефицит. И если первые две проблемы были «головной болью» руководящего звена, то продуктовый дефицит отразился уже на всех членах колхоза, что не замедлило сказаться на их восприятии происходивших перемен. Так, бригадир Крюков, изначально с энтузиазмом отнесшийся к Перестройке, стал критиковать новообразованные кооперативы, которые «обдирают рабочий люд», а переход на хозрасчет, с его точки зрения, привел лишь к «удовлетворению личных потребностей» руководителей [6, ф. П-145, оп. 1, д. 38, л. 71].

Подобные настроения были свойственны и другим ораторам, выступавшим на собраниях [6, ф. П-145, оп. 1, д. 38, л. 71–73]. Неудачная реализация большинства реформаторских проектов поменяла отношение колхозников к Перестройке: если в первые годы большинство ее поддерживало, то с конца 1980-х гг. вера людей в Перестройку начала стремительно угасать.

Колхоз в 1990–1991 гг.

В марте 1989 г. на пленуме ЦК КПСС одной из ключевых тем стало дальнейшее развитие арендных отношений, в том числе и в аграрной сфере (см.: [13, с. 34–174]). В следующем месяце вышел указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому физическим и юридическим лицам в «возмездное и срочное пользование» могли передаваться «земля, другие природные объекты», «имущество государственного, кооперативного или иного общественного предприятия (организации)», «отдельные здания, хозяйственные постройки, сооружения, сельскохозяйственная техника, оборудование, транспортные средства, рабочий и продуктивный скот и другие материальные ценности» [17].

В апреле 1990 г. на общем собрании членов колхоза «Новая жизнь» было решено перевести все колхозные подразделения на арендные отношения [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 48 об. – 50]. Это были самоуправляемые структуры, вписанные в контур крупного общественного хозяйства [16, с. 393]. Иначе говоря, по каждому виду производимой бригадой или звеном сельхозпродукции и оказываемых ими услуг устанавливались внутрихозяйственные цены, по которым данная продукция продавалась колхозу.

Предполагалось, что такие коллективы смогут работать более продуктивно, поскольку доход их членов напрямую зависел от количества проданной сельхозпродукции. Новый способ трудовой организации был представлен председателем колхоза Бакалиным и, по всей видимости, вызвал бурную дискуссию, но секретарь собрания ограничился записью в протоколе: «задано много вопросов доярками, механизаторами, бригадирами» [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 48 об. – 50].

Важная составляющая арендных коллективов – взаимответственность за итоговый результат. Это привело к изменению санкционной политики в отношении нарушителей трудовой дисциплины: если прежде их наказание длительное время ограничивалось выговором и лишь в случае постоянного уклонения от работы в колхозе и несоблюдения общественного порядка нарушители дисциплины наказывались штрафом, то теперь к ним стали применять более строгие меры значительно быстрее.

Инициатива при этом нередко исходила от рядовых работников. Например, весной 1990 г. по ходатайству доярок второй бригады из колхоза была исключена их коллега Прозорова. «Вы работать по-доброму не хотите, пьянствуете, прогуливаете...», – прокомментировал это решение председатель Бакалин [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 16]. Оставалась и ежегодная практика лишения за различные проступки от 5 до 100 % премиальных. Так, по итогам 1991 г. таким образом были наказаны 73 колхозника [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 39 об. – 40 об.].

Первый опыт использования арендных подразделений оказался удачным. В 1990 г. колхоз достиг рекордных для себя показателей по валовым сборам озимых и яровых зерновых. Это не было обусловлено

увеличением посевных площадей: площадь посевов озимых в 1990 г. в сравнении с 1989 г. увеличилась на 12 % (с 458 до 513 га), а валовые сборы — на 38 % (с 16 609 до 22 925 ц), площадь посевов яровых увеличилась на 29 % (с 307 до 398 га), а валовые сборы — на 48 % (с 10 051 до 14 876 ц) [6, ф. Р-139, оп. 12, д. 581, л. 178 об. — 179; оп. 12, д. 739, т. 2, л. 122 об. — 123]. Позитивными оказались и результаты 1991 г.: к успехам в полеводстве добавилось выполнение планов по продаже молока и мяса [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 51 об.]. Наряду с внедрением новой техники [7] и благоприятными погодными условиями этому способствовало и более рациональное использование трудовых ресурсов арендными трудовыми коллективами. Тем не менее краткосрочный период их использования не позволяет в полной мере оценить эффективность этой формы организации труда.

Успехи 1990 г. были омрачены повышением цен на минеральные удобрения, технику, запасные части, топливо. В результате в октябре этого года на заседании правления Бакалин отметил, что «недосчитались прибыли по колхозу 200 тыс. руб.» [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 34]. Несмотря на это, получившаяся по итогам года прибыль дала возможность немного повысить заработную плату колхозникам [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 34].

Увеличение зарплат продолжалось и в дальнейшем. Весной 1991 г. они выросли на 25 % для колхозников и административно-управленческого аппарата, а для механизаторов, трудившихся на тяжелых тракторах, — и вовсе на 30 % [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 9 об — 10]. Существенные прибавки не означали роста благосостояния крестьян, поскольку практически одновременно происходило повышение розничных цен [9, с. 141]. На колхозе это тоже отражалось негативно: за 1991 г. стоимость продукции в среднем выросла в 4–5 раз, а техники, удобрений, химикатов — в 15–20 раз [2, ф. 28, оп. 1, д. 236, л. 1].

С каждым месяцем экономическая ситуация в стране становилась все сложнее. В ноябре 1991 г. Бакалин предложил правлению «поддерживать [колхозников] в это трудное время», доплатив за август, сентябрь и октябрь, и раздать предназначавшееся для продажи зерно бесплатно. «Правильно, нам на том же уровне зарплаты прожить очень трудно», — высказал общее мнение бригадир Щемелев [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 42–42 об.].

В условиях, когда, по словам членов колхоза, «рубли ничего не стоят» [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 47], правление изыскивало всевозможные способы помочь колхозникам. В. А. Бакалин отмечал, что невысокие заработные платы колхоз пытался компенсировать за счет других бонусов: бесплатной выдачи сена (по 4 т на семью), зерноотходов, меда (3 л на семью), установления «символических» цен на мясо. Такая практика была названа им «маленьким коммунизмом» [7].

Помимо этого существовали и другие меры поддержки: например, доплаты к государственным пенсиям для ветеранов Великой Отечественной войны и ветеранов труда из колхозного бюджета [6, ф. П-145, оп. 1, д. 36, л. 12]. Также в случае смерти члена колхоза или его близкого родственника его семье выделялась материальная помощь в размере 15 кг мяса [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 24].

В 1990 г. на заседании правления было принято решение о надбавках из средств колхоза для всех пенсионеров [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 19 об., 29 об.], чьи ежемесячные доходы соответствовали минимальному размеру государственного пенсионного обеспечения в 70 руб. [19]. У этой инициативы было предельно исчерпывающее объяснение — «жизнь дорожает» [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 19 об.].

В колхозе было организовано небольшое предприятие по производству колбасы (в настоящее время мясокомбинат «Поречье» является одним из ведущих предприятий на рынке колбасно-мясной продукции в Калининградской области) [23]. Членам колхоза колбасные изделия продавались по льготным ценам [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 6]. Реализация остальной продукции позволяла пополнять бюджет хозяйства.

Не отказывал колхоз и в помощи своим членам в различных житейских ситуациях. Как вспоминал В. А. Бакалин, «если родился ребенок — идут к председателю — дай машину. В последний путь проводить — тоже к председателю, т.е. колхоз всю “социалку” нес на себе полностью» [7].

В феврале 1991 г. секретарь парторганизации «Новой жизни» Корнеенков на пленуме райкома КПСС выражал тревогу относительно будущего селян. Корнееenkova, не понаслышке знавшего проблемы крестьян, пугала перспектива безработицы. В ответ первый секретарь райкома Артемьев предложил «переломить стереотип», что «рынок нас накормит, напоит и на дорогу даст», и, приведя в пример бывшие социалистические страны, рекомендовал готовить население к тому, что «рынок половину из нас пустит по миру» [6, ф. П-122, оп. 64, д. 32, л. 32–34].

Среди самих крестьян в это время царили настроения растерянности и недоверия. В 1991 г. на общем собрании Бакалин предложил вступить в региональный Союз аграриев, в ответ на это последовало несколько довольно резких выпадов. Бригадир Алексеев предположил, что «это может быть еще один нахлебник», а экономист Виноградова задалась вопросами: «От кого нас защищать? Кто на нас собирается нападать?» Следуя многолетней традиции во всем соглашаться с начальством, большинство все же проголосовало за вступление в организацию [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 50].

От колхоза к закрытому акционерному обществу

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. на всесоюзном уровне в СМИ и научных кругах велись дискуссии о путях дальнейшего развития сельского хозяйства. Сложилась три основные точки зрения: а) необходимо сохранить колхозы и совхозы — только они способны прокормить страну; б) нужно развивать фермерство — хозяйства такого типа позволят рационально использовать землю и средства производства; в) оптимальным является сочетание различных форм хозяйствования и собственности [16, с. 393].

В декабре 1990 г. появился закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», который допускал многообразие

форм ведения хозяйственной деятельности: это могли быть государственные или муниципальные предприятия, индивидуальные (семейные) частные предприятия, полные и смешанные товарищества, акционерные общества открытого или закрытого типа [22].

Двадцать пятого октября 1991 г. глава «Новой жизни» поручил подчиненным составить к 1 января 1992 г. опись общественного имущества и подсчитать заработную плату крестьян за последние 10 лет, в соответствии с которой предполагалось провести приватизацию (секретарь собрания этот процесс на протяжении 1991 г. называл «проектизация») [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 41, 42 об.]. Было решено организовать на базе колхоза закрытое акционерное общество (ЗАО), но окончательное слово в этом деле оставалось за общим собранием [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 41].

Оно состоялось уже на следующий день. После доклада главы «Новой жизни» выступили несколько колхозников. Тональность их речей была схожей: «Нужно жить и работать всем вместе в это трудное и неопределенное время». В итоге договорились о создании закрытого акционерного общества [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 51 об. — 52].

Уже после распада СССР, 29 декабря 1991 г., было издано Постановление Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов», согласно которому «совхозы и колхозы обязаны до 1 января 1993 г. провести реорганизацию и привести свой статус в соответствие с Законом РСФСР “О предприятиях и предпринимательской деятельности”» [21].

В январе 1992 г. Бакалин представил правлению варианты дальнейшего развития событий. Инвентаризационная и приватизационная комиссия выделяла каждому члену бывшего колхоза земельный и имущественный пай. Затем они могли выбрать между вступлением в ЗАО и созданием индивидуального фермерского хозяйства. В первом случае нужно было «вложить» свои паи в акционерное общество, во втором — написать заявление, которое утверждалось в течение месяца, после чего полученные паи можно было использовать для ведения личного хозяйства (или распорядиться ими иным образом) [2, ф. 28, оп. 1, д. 238, л. 1 об.].

В феврале 1992 г. работа комиссий была завершена. Каждому работающему и колхозникам-пенсионерам полагалось 10 га земли. Участки выделялись исходя из двух принципов: а) земля должна была находиться как можно ближе к дому; б) распределение земли зависело от семейно-родственных отношений, то есть членам одной семьи выделялись соседние участки [2, ф. 28, оп. 1, д. 238, л. 4 об.]. Оставшаяся земля оказалась в резервном фонде — для трудоустроившихся в «Новую жизнь» [2, ф. 28, оп. 1, д. 238, л. 17 об.]. В колхоз за выдачей пая обращались и его бывшие члены, например Шарай, трудившийся в колхозе до 1962 г. Правление на его заявление ответило отказом, но все-таки оказало поддержку, выделив зерно по льготной цене [2, ф. 28, оп. 1, д. 238, л. 3].

Общее собрание утвердило эти решения, но не обошлось и без негодования относительно некоторых условий нового порядка. Крестьянин Михайлов недоумевал, почему «все мое должно остаться в акционерном обществе» в случае, если «я, допустим, рассорился и хочу уехать в другое место» [2, ф. 28, оп. 1, д. 238, л. 17 об. — 18].

ЗАО «Новая жизнь» унаследовало основные структурные элементы колхоза: возглавлял его председатель, которому помогали члены правления, были сформированы комплексные трудовые бригады. Выборы правления проходили раз в три года. Производимые в хозяйстве продукты продавались для его работников вдвое дешевле рыночных цен. Остались прежние механизмы начисления зарплаты. И даже в протоколах собраний за 1992 г. членов ЗАО продолжали именовать «колхозниками» [2, ф. 28, оп. 1, д. 238, л. 1–18].

Подводя итоги, отметим, что реформы периода Перестройки не смогли качественным образом улучшить ситуацию в сельском хозяйстве. К прежним проблемам (недостаток кадров, сложности с техническим обеспечением) добавился товарный дефицит. Резкий рост цен на необходимую для качественной работы продукцию (химикаты, удобрения и т. п.) нивелировал достигнутые в 1990–1991 гг. неплохие производственные показатели.

Возникшее в аграрной сфере к началу 1990-х гг. положение отчетливо иллюстрируют слова из отчетного доклада председателя «Новой жизни» Бакалина по итогам 1991 г.: «Сегодня непрехотливая и покорная деревня здыбилась (так в оригинале. — М.Ф.), забурлила, а это приводит к повсеместному катастрофическому падению производства и закупок сельхозпродукции, сокращению поголовья, к резкому ухудшению экономического и финансового положения» [2, ф. 28, оп. 1, д. 236, л. 1]. Руководство колхоза не бросило его членов на произвол судьбы, обеспечивая поддержку посредством установления льготных цен на сельхозпродукцию. С учетом резкого обесценивания рубля произошел частичный возврат к натуроплате труда.

После ликвидации колхоза большинство крестьян созданию индивидуальных фермерских хозяйств предпочли сохранение прежних порядков под эгидой закрытого акционерного общества. С одной стороны, причина выбора в пользу коллективизма заключалась в консервативной ментальности сельских жителей, предпочитавших рискованному индивидуальному хозяйствованию устоявшийся жизненный уклад, связанный с работой в крупном сельхозпредприятии. С другой стороны, люди надеялись, что сообще будет легче выживать в условиях тяжелого экономического кризиса.

Список литературы

1. *Андреев С. Н.* Реформирование системы хозяйств и землепользования в 1990-е гг. в Новосибирской области // *Крестьяноведение*. 2019. №4. С. 58–75.
2. *Архивный отдел администрации муниципального образования «Правдинский городской округ».*
3. *Бабий П. М.* Чековая система взаиморасчетов: из опыта колхозов Одесской области. М., 1978.
4. *Байдюк А. Т.* Поточно-цеховая система в молочном животноводстве. М., 1980.
5. *Бледнова Е. М.* Становление новой системы хозяйствования в Курском селе в конце XX — начале XXI в. // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2018. №1 (45). С. 79–89. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/50> (дата обращения: 12.01.2023).

6. Государственный архив Калининградской области.
7. Интервью Владимира Александровича Бакалина, бывшего председателя колхоза «Новая жизнь». Запись 15.03.2023 г. (архив автора).
8. История сельского хозяйства Калининградской области / отв. ред. А. Л. Гусев, В. Н. Маслов. Калининград, 2006.
9. Кирсанов Р. Г. На пути к рынку: денежная реформа 1991 г. как попытка стабилизировать финансовую систему СССР // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. №1 (23). С. 137–142.
10. Кулёв В. М. История подряда как формы активизации человеческого фактора в сельском хозяйстве России: от Н. С. Хрущёва к Л. И. Брежневу // Известия Самарского научного центра. 2010. №6. С. 139–145.
11. Логунова И. В. Неквалифицированные работники сельскохозяйственных предприятий Центрального Черноземья в условиях аграрной реформы 1990-х годов (социально-экономический аспект) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2022. Вып. 28. С. 155–163.
12. Логунова И. В. Особенности правового положения работников сельхозпредприятий в годы аграрной реформы 1990-х гг. (на материалах Центрального Черноземья) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. №1 (57). С. 55–61.
13. Материалы пленума ЦК КПСС. 15–16 марта 1989 г. М., 1989.
14. Наухацкий В. В. Аграрная политика в СССР в 1965–1990 годах: Проблемы разработки и реализации : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1997.
15. Наухацкий В. В. Динамика сельскохозяйственного производства СССР в 60–80-е годы: характер, проблемы, противоречия // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2005. №1 (20). С. 79–87.
16. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995.
17. Об аренде и арендных отношениях в СССР : указ Президиума ВС СССР от 7 апреля 1989 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
18. О государственном предприятии (объединении) : закон СССР от 30 июня 1987 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9049736> (дата обращения: 18.07.2022).
19. О пенсионном обеспечении граждан в СССР : закон СССР от 15 мая 1990 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901700237> (дата обращения: 05.05.2023).
20. О Перестройке и кадровой политике партии : доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва 27 января 1987 г. URL: <http://www.uaio.ru/5/88/od1987.htm> (дата обращения: 18.07.2022).
21. О порядке реорганизации колхозов и совхозов : постановление Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
22. О предприятиях и предпринимательской деятельности : закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102093079&backlink=1&nd=102010276&rdk=0> (дата обращения: 07.05.2023).
23. Поречьё : [официальный сайт]. URL: <http://gc-porechie.ru/> (дата обращения: 07.05.2023).
24. Пихоя Р. Г. Радикальные экономические реформы 1980-х гг. в СССР // Экономическая история : ежегодник. М., 2022. С. 371–389.
25. Сельское хозяйство СССР : стат. сб. М., 1988.
26. Серогодский Н. А. Земельная реформа и ее реализация на Кубани (1991 – начало 2000-х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. №1–1 (51). С. 182–184.
27. Серогодский Н. А. Социально-экономическое развитие села: опыт, проблемы, тенденции. 1980–2000 гг.: на материалах Дона, Кубани и Ставрополя : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2004.

Об авторе

Максим Викторович Филёв — ассист., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tsvachim03@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4217-6197>

M. V. Filev

THE END OF THE COLLECTIVE FARM (THE CASE OF THE COLLECTIVE FARM “NOVAYA ZNIZN”, PRAVDINSKY DISTRICT, KALININGRAD REGION)

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 11 May 2023

Accepted 25 August 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-6

To cite this article: Filev M. V., 2023, The end of the collective farm (the case of the collective farm “Novaya Znizn”, Pravdinsky district, Kaliningrad region), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 58 – 68. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-6.

Based on unpublished materials from the State Archive of the Kaliningrad region and the Archival department of the administration of the municipal entity “Pravdinsky Urban District”, including minutes of general meetings and board sessions of the collective farm, materials from the primary party organization, etc., this microhistorical study explores the final years of the “Novaya Znizn (New Life)” collective farm in the Pravdinsky district of the Kaliningrad region. The research goal is to reconstruct the views of collective farm members on the processes occurring in the country in the late 1980s to early 1990s. The analysis presents the main challenges faced by the farm during the period of Perestroika. Despite numerous transformations initiated by M. S. Gorbachev in the agricultural sector, they did not lead to the expected qualitative changes. Phenomena such as rising prices and shortages of goods caused disillusionment with the ideas of Perestroika. The author examines the process of reorganizing the collective farm into a closed joint-stock company. The general conclusion is that, despite the possibility of organizing individual farming enterprises, the majority of peasants chose to preserve the established collective way of life. They saw it as a guarantee of support in the face of the critical economic situation in the Russian countryside in the early 1990s.

Keywords: agriculture, Kaliningrad region, collective farm, microhistory, history of everyday life, Perestroika, agrarian reforms

The author

Maksim V. Filev, Assistant Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: tsvachim03@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4217-6197>